

УДК 94(470.41-25)"18/19"
DOI: 10.17223/19988613/55/25

Л.А. Бушуева

ИЗ ПРИВАТ-ДОЦЕНТОВ В «УНИВЕРСИТЕТСКИЕ СТАРЦЫ»: ВОЗРАСТ ПРОФЕССОРОВ ИМПЕРАТОРСКОГО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Рассмотрены возрастные характеристики профессорской корпорации Императорского Казанского университета второй половины XIX – начала XX в. (возраст вступления в корпорацию, средний возраст профессоров и др.), а также специфические условия Казанского университета, влиявшие на возрастные показатели данного сообщества. Показан постепенный процесс старения профессорского сообщества Казани, связанный с медленной подготовкой профессорских кадров, а также со сложившейся практикой оставления заслуженных профессоров после выхода на пенсию.

Ключевые слова: Казанский университет; экстраординарные профессора; ординарные профессора; доценты; приват-доценты; средний возраст профессоров.

Профессора российских университетов второй половины XIX – начала XX в. представляли собой особую социальную группу, отличную от других чиновников Российской империи. Коллективная биография данного сообщества является одной из значимых тем, находящаяся в центре внимания современной историографии [1]. Среди исследований, посвященных изучению различных аспектов этой проблематики, следует отметить работы петербургских [2], московских историков [3], а также исследования по истории Томского [4] и Казанского университетов [5, 6]. Важной составляющей социального портрета профессорской корпорации являются возрастные характеристики, изучение которых позволяет лучше понять особенности складывания академической карьеры в российских университетах. В данной работе рассмотрены возрастные показатели профессорского корпуса Императорского Казанского университета второй половины XIX – начала XX в.

Возрастные границы профессорского сообщества российских университетов, в том числе Казанского, были обусловлены «тройственной» идентичностью его представителей. Профессора являлись чиновниками Министерства народного просвещения, преподавателями и учеными. В качестве чиновников их пребывание на службе регулировалось сроками, отведенными законодательными документами для всех служащих Российской империи. По законодательству второй половины XIX – начала XX в. человек на гражданской службе включался в Табель о рангах, служил 25 лет, после чего выходил на пенсию. Специфика службы в университете деформировала это общее правило. Так, в университетских уставах не оговаривался минимальный и максимальный возраст, необходимый для занятия профессорской должности, он во многом зависел от конкретных обстоятельств профессиональной и личной жизни ученых. В университетских уставах оговаривалась только предельная продолжительность службы, равная 25 годам по Уставу 1863 г. и 30 годам по Уставу 1884 г.

Для того чтобы стать экстраординарным и ординарным профессором в российском университете, молодым людям, избравшим для себя ученую карьеру, необходимо

было пройти сложный путь. Для подготовки к «профессорскому званию» по ходатайству факультета оставляли студентов, наиболее успешно окончивших университетский курс. Будущие ученые должны были последовательно получить ученые степени магистра и доктора наук. Для этого следовало сначала сдать магистерские экзамены, написать и защитить магистерскую, а затем докторскую диссертации. На медицинском факультете предусматривалась одна ученая степень доктора. Параллельно претендентам на профессорскую кафедру необходимо было получить преподавательскую должность доцента (по уставу 1863 г.) или приват-доцента (по уставу 1884 г.) и отработать в ней не менее трех лет.

Трудности университетской карьеры начинались уже на этапе сдачи магистерских экзаменов. В Казанском университете, как и в других университетах, довольно долгое время их сложность состояла в отсутствии четких требований к объему знаний экзаменуемого. Это отмечали представители и гуманитарных, и естественнонаучных специальностей [7. С. 119]. Будущему магистру предлагалась программа испытаний, обычно включавшая обширный список российской и иностранной научной литературы. На экзаменах могли быть заданы самые разнообразные вопросы из любой области избранной соискателем специальности. В связи с этим профессорские стипендиаты часто с трудом представляли, каким образом готовиться к этим испытаниям. «Мои руководители отдали меня на собственную волю, а я начал все дело почти сначала. Беляев и Куртенэ так осмеяли инструкцию, что мне самому стыдно стало. Я оставил Корссена, Моммзена, Эрша и Грубера, которые рекомендовались в инструкции, и принялся за грамматику, стилистику с немецким языком. По крайней мере я это буду знать как следует, а читая десятки томов Эрша и прочее, я не упомянул бы решительно ничего. Беляев рекомендует писать скорее магистерскую диссертацию, а потом в Петербург, под руководством Помяловского готовиться к экзамену. Я понял, что это далеко лучше, чем поглощать без всякого смысла бездну томов, и стараюсь пользоваться

добрым советом» – писал в 1872 г. профессору Д.А. Корсакову профессорский стипендиат по классической филологии С.К. Кузнецов, который так и не сумел пройти магистерских испытаний [8. Ед. хр. К3. Л. 1].

После введения устава 1884 г. успешная сдача магистерских экзаменов давала право претендовать на должность приват-доцента и начать преподавательскую деятельность в университете. В этот же период казанские профессора пошли по пути постепенного упрощения магистерских испытаний. Так, на историко-филологическом факультете вместо былых расплывчатых рекомендаций по изучению научной литературы магистранты, специализирующиеся по русской истории, получали программы по русской истории, политэкономии и всеобщей истории с четким перечнем экзаменационных вопросов [9. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 1475. Л. 3–4].

Однако формализация экзаменов не упростила путь к научным степеням, так как в это время в российских университетах были достаточно высокие требования к диссертационным сочинениям [10. С. 101]. По замечанию известного исследователя ученых степеней Российской империи А.Е. Иванова, если в первой половине XIX в. диссертации часто представляли собой «компактное компилятивное рассуждение» [7. С. 147], то уже с середины XIX в. к ним предъявлялись такие требования, как самостоятельность и новизна исследования [Там же. С. 148]. Согласно сохранившимся рецензиям на диссертационные сочинения, обязательным для магистерских работ по русской истории было основательное изучение источников [9. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 1461. Л. 7], что требовало как минимум нескольких лет пребывания в Москве или Петербурге для работы в архивах. Профессорским стипендиатам Казанского университета, многие из которых были выходцами из семей мелких чиновников, священников, мещан и практически не получали помощь от родственников, на стипендию размером в 600 руб. достаточно сложно было работать над квалификационным сочинением. Часто профессорские стипендиаты не укладывались в отведенный законодательством трехлетний срок для получения степени магистра. Получение доцентуры также слабо способствовала улучшению их материального состояния. По Уставу 1884 г. приват-доценты не являлись штатными преподавателями. Их труд оплачивался из специальных средств университета, и доход не превышал 800–1 200 руб., даже если приват-доцент читал обязательный курс [11. С.105]. Для сравнения оклад ординарного профессора составлял 3 000 руб. Система гонораров, согласно которой

студенты кроме средств в пользу университета должны были вносить плату за право посещать лекции и практические занятия преподавателей, также не улучшала материального положения казанских приват-доцентов, так как учащиеся в большинстве случаев выбирали профессорские курсы.

Для поправки своего финансового состояния приват-доценты медицинского факультета Казанского университета брались за обширную частную практику, историки и филологи преподавали в городских гимназиях, на Высших женских курсах, магистры физико-математического факультета работали лаборантами, хранителями университетских кабинетов. Необходимость подрабатывать, как правило, задерживала работу над докторской диссертацией, обязательной для получения должности профессора. «Мне ли не сочувствовать тем, кто, подобно Вам и мне, тратил время и силы не на то, что хотел и мог бы», – писал известный петербургский историк С.Ф. Платонов в письме от 6 ноября 1902 г. казанскому приват-доценту Н.Н. Фирсову, рассуждая о «тяжелой поре учительского труда» для начинающего ученого [8. Ед. хр. П. 1. Л. 1].

После получения степени магистра академическая карьера многих молодых ученых обрывалась. Так, ряд приват-доцентов историко-филологического факультета Казанского университета отказались от преподавания в университете и остались в гимназиях на должностях преподавателей, инспектора или директора [12. Ч. 1. С. 67, 85]. Эту тенденцию, в целом характерную и для других российских высших учебных заведений, красноречиво описал историк, выпускник университета Святого Владимира в Киеве В. Петров: «Те, кто выдержал первые испытания, написав медальную работу и добившись оставления при университете, в большинстве случаев не выдерживали вторых. Успешно пройдя магистерские экзамены и получив доцентуру, они сдавали. Их силы были исчерпаны. Они уже отдали все, что могли отдать, и превращались в ничто. Диссертации оставались ненаписанными. Опустошенные, они замолкали. Должен ли я теперь вспоминать фамилии, называть имена?» [13. С. 119].

Младшие преподаватели, сумевшие защитить магистерскую и докторскую диссертации, в Казанском университете в большинстве случаев сразу получали назначение на должность экстраординарного профессора. Из 220 профессоров, работавших в Казанском университете в период с 1863 по 1917 гг., почти половина получили должность экстраординарного профессора в возрасте 30–39 лет, а каждый пятый – в возрасте 40–49 лет (табл. 1).

Таблица 1

Возраст получения профессорской должности в Казанском университете в 1863 – 1917 гг.

Возрастные группы	Количество человек	В процентах к общему числу
До 29 лет включительно	20	9,0
30–39 лет	109	49,5
40–49 лет	43	19,5
50–лет и старше	12	5,6
Нет данных	36	16,4

Сост. по: [3. Оп. Совет. Д. 4833, 5116, 5230, 5384, 5529, 5648, 5903, 6512, 6751, 7237, 7485, 7533, 7899, 8212, 8213, 8214, 8390, 8391, 8514, 8524, 8570а, 8571, 8762, 8763, 9399, 9511, 9790, 9791, 10011, 10012, 10013, 10014, 10015, 10048, 10199, 10220, 10235, 10436, 10437, 11035, 11181, 11182, 11183, 11188, 11396, 11484, 11755, 11934, 11936, 12028, 12042, 12135, 12136, 12137, 12138, 12255, 12308, 12698, 12699, 12716, 12903, 12982, 13119, 13124, 13318, 13319, 13388; 6].

Поколению преподавателей, начавших академическую карьеру в 1860–1870-е гг., удавалось достигнуть профессорства за более короткий период, чем их последователям. В этот период в университете было открыто много новых кафедр, введенных уставом 1863 г. Младшие преподаватели имели возможность занять вакантные места без степени доктора. Особенно высокие шансы быстро получить профессорскую должность были у преподавателей медицинского факультета. После увеличения числа кафедр на медицинских факультетах университетов в Казани появилось множество профессорских вакансий. Их охотно занимали получившие степень доктора медицины младшие преподаватели, прозекторы, ординаторы Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии – крупнейшего учебного заведения империи, готовившего врачей. Выпускники этого

учебного заведения составляли 31,9% профессоров медицинского факультета Казанского университета [6. С. 67]. Среди них были такие ученые, как В.М. Бехтерев, М.Я. Капустин, Н.Н. Феноменов, В.В. Пашутин, К.В. Ворошилов, К.Ф. Славянский, Д.С. Ермолаев и др. В 1884 г. состав профессорской корпорации Казанского университета пополнился молодыми людьми. В связи с упразднением должности доцента сразу 9 младших преподавателей, имеющих степень магистра, были назначены экстраординарными профессорами [14. С. 44–45]. В последующий период назначения на профессорские должности без докторской степени профессорской корпорацией практически не допускались. К началу XX в. средний возраст получения должности экстраординарного профессора увеличился до 37–38 лет (табл. 2).

Таблица 2

Средний возраст получения должности экстраординарного профессора в Казанском университете в 1863–1917 гг.

1863 г.	1864–1883 гг.	1884–1904 гг.	1905–1917 гг.
33	34	37	38

Сост. по: [3. Оп. Совет. Д. 4833, 5116, 5230, 5384, 5529, 5648, 5903, 6512, 6751, 7237, 7485, 7533, 7899, 8212, 8213, 8214, 8390, 8391, 8514, 8524, 8570а, 8571, 8762, 8763, 9399, 9511, 9790, 9791, 10011, 10012, 10013, 10014, 10015, 10048, 10199, 10220, 10235, 10436, 10437, 11035, 11181, 11182, 11183, 11188, 11396, 111484, 11755, 11934, 11936, 12028, 12042, 12135, 12136, 12137, 12138, 12255, 12308, 12698, 12699, 12716, 12903, 12982, 13119, 13124, 13318, 13319, 13388; 6].

Университетские уставы определяли границу ухода профессоров со службы. Профессора выходили на пенсию, отработав 25 лет по Уставу 1863 г. и 30 лет по Уставу 1884 г. Однако хроническая нехватка преподавателей и имеющиеся механизмы университетского управления позволяли казанским профессорам добиваться продления срока службы с помощью коллективного мнения Совета. Поэтому время пребывания профессоров в университете зависело не только от формальных показателей (биологического возраста, установленных законодательством сроков), но и от умения использовать механизмы университетского управления.

По уставу 1863 г. после выслуги 25-летнего срока преподавателям присваивалось звание заслуженного профессора. В случае переизбрания на новый 5-летний срок они могли остаться штатными преподавателями. Особенности корпорации Казанского университета способствовали тому, что оставление на службе заслуженных профессоров здесь являлось нормой в отличие, например, от Петербургского университета, где преподавательский состав пополнялся главным образом за счет младших преподавателей [15. С.41–42]. Во-первых, в Казанском университете довольно слабо развивался институт профессорских стипендиатов. Несмотря на постоянно увеличивающееся количество студентов, ежегодно число оставленных для подготовки к профессорскому званию составляло от 10 до 15 человек. Как отмечалось выше, далеко не у всех академическая карьера складывалась удачно. Так, на историко-филологическом факультете с конца 1880-х до начала 1900-х гг. было подготовлено всего два магистра русской истории – Н.П. Лихачев и Н.Н. Фирсов [9. Оп. Историко-филологический факультет. Д.1461. Л.13].

Во-вторых, в течение данного периода был довольно невысоким приток в профессорскую коллегию Казани из других университетов, за исключением выпускников Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии. Более половины профессоров окончили Казанский университет и всю свою жизнь прожили в Казани.

Из-за хронической нехватки преподавателей советы факультетов нередко просили коллег остаться в университете после выхода на пенсию. Так, служба заслуженного профессора Е.Ф. Аристова в качестве штатного профессора окончилась в 1866 г. Однако по просьбе факультета из-за отсутствия преподавателя по его предмету он, «несмотря на свою болезненность и дряхлость», еще два года продолжал вести занятия [16. С. 221].

По Уставу 1884 г. для продления службы профессорам, проработавшим 25 лет, необходимо было получить разрешение министра народного просвещения. По истечении 30-летнего срока службы они уже не включались в число штатных преподавателей. Однако при желании они могли преподавать, занимать положенные им в университете должности и получать вознаграждение в размере половины годового оклада ординарного профессора. Число оставленных на службе заслуженных профессоров в конце XIX – начале XX в. в Казани постепенно увеличивалось. Если в 1863 г. их оно составило 2 человека, в 1870 – 3, в 1875 – 5, в 1881 – 4 человека, то в 1886 г. число заслуженных профессоров составило 6 человек, в 1890 – 7, в 1896 – 8, в 1906 – 15 человек [6. С.72].

Как видно из табл. 3, это способствовало увеличению среднего возраста казанских профессоров и своеобразного возрастного порога.

Таблица 3

Средний возраст профессоров Казанского университета в 1863–1917 гг.

Годы	1863 г.	1873 г.	1883 г.	1893 г.	1903 г.	1913 г.	1917 г.
Средний возраст, лет	42	40	50	45	55	54	58

Сост. по: [3. Оп. Совет. Д. 4833, 5116, 5230, 5384, 5529, 5648, 5903, 6512, 6751, 7237, 7485, 7533, 7899, 8212, 8213, 8214, 8390, 8391, 8514, 8524, 8570а, 8571, 8762, 8763, 9399, 9511, 9790, 9791, 10011, 10012, 10013, 10014, 10015, 10048, 10199, 10220, 10235, 10436, 10437, 11035, 11181, 11182, 11183, 11188, 11396, 111484, 11755, 11934, 11936, 12028, 12042, 12135, 12136, 12137, 12138, 12255, 12308, 12698, 12699, 12716, 12903, 12982, 13119, 13124, 13318, 13319, 13388; 6].

Возрастные процессы оказали влияние на представления университетского сообщества о том, сколько лет должно быть профессору. В данное время получение должности профессора в возрасте до 30 лет было принято считать довольно ранним. В биографической статье о профессоре медицинского факультета К.Ф. Славянском особо отмечался возраст ученого, ставшего экстраординарным профессором в 1876 г. всего в 29 лет.

Для первой половины XIX в. своего рода рубежом старости, после которого мужчина считался стареющим, являлся возраст 50 лет [5. С. 138]. Уже в период 1870–1890-х гг. для профессоров он являлся близким к среднему. Это подтверждают и суждения университетских людей о возрасте. К примеру, о скончавшемся в 1885 г. 54-летнем профессоре медицинского факультета М.А. Хомякове бывшие студенты писали как о преждевременно ушедшем. Неожиданной потерей для юридического факультета оказалась смерть профессора Г.К. Штера в 1898 г. Как писал приват-доцент юридического факультета А.А. Овчинников, «ученой и педагогической деятельности Штера Г.К. суждено было прерваться самым преждевременным образом. Он скончался 18 мая 1898 г. в Казани, не достигнув и 41 года от роду» [12. Ч. 2. С. 297–298].

Создавшиеся в Казанском университете условия способствовали появлению норм профессиональной этики, при которых преклонный возраст профессора не мог быть существенной причиной для увольнения. В исследуемый период не покидали университета вплоть до самой смерти почти 20% преподавателей [8. С. 68–71]. Более того, в Казанском университете «университетские старцы» часто пользовались особым положением. Терпимое отношение сообщества к заслуженным профессорам нередко было связано с их бы-

лыми заслугами: в прошлом они или отличались научными достижениями или являлись крупными университетскими администраторами. О самом старшем среди профессоров – профессоре фармакологии И.М. Догеле, работавшем в университете до 87 лет, его бывшие воспитанники писали как о «примечательной исторической личности»: «Ему было, кажется, 80 лет, когда я у него держал государственный экзамен по фармакологии. Он был на почетном положении, читал бальнеологию, курортологию. Стоять он уже не мог. Читал сидя, по тетради» [17. С. 329].

Таким образом, в уставных университетских документах отсутствовали возрастные ограничения занятия должности профессора. Однако прежде чем вступить на профессорскую кафедру, молодые ученые должны были пройти длительный путь, последовательно получив ученые степени магистра и доктора наук, а также поработать в качестве «младших преподавателей». Вхождение в профессорскую корпорацию требовало многих лет материальных ограничений и трудностей. Неблагоприятные финансовые возможности и условия научной работы многих магистров Казанского университета приводили к тому, что средний возраст занятия должности экстраординарного профессора постепенно увеличивался.

Длительный процесс подготовки профессоров из профессорских стипендиатов, отказ части молодых ученых от университетской карьеры приводили в Казанском университете к дефициту профессорских кадров. Поэтому одним из способов сохранения численности сообщества стало оставление на службе заслуженных профессоров, численность которых постепенно увеличивалась. В результате средний возраст профессорской корпорации Казани к 1917 г. достиг 58 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маурер Т. Новый подход к социальной истории университета: коллективная биография профессоров // «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по истории русских и немецких университетов. М. : РОССПЭН, 2015. С. 19–47.
2. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : РОССПЭН, 2017. 903 с.
3. Феофанов А.М. Социальный портрет профессоров Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2013. № 1 (12). С. 168–179.
4. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. «Институт профессорских стипендиатов» как метод подготовки научно-педагогических кадров для университетов России в конце XIX – начале XX в. (на примере Томского университета) // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг. : исследования и документы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 51–65.
5. Костина Т.В. Мир университетского профессора Казани. 1804–1863 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 221 с.
6. Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. Казань : Центр инновационных технологий, 2012. 288 с.
7. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1994. 198 с.
8. Национальный музей Республики Татарстан (НМ РТ).
9. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 977.
10. Маурер Т. Российские профессора: между чиновничеством и интеллигенцией // «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по истории русских и немецких университетов. М. : РОССПЭН, 2015. С. 98–138.
11. Грибовский М.В. Феномен приват-доцентуры в российских университетах конца XIX – начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2012. № 2. С. 103–108.

12. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета (1804–1904) : в 2 ч. Казань : Типолит. Имп. Казанского ун-та, 1904.
13. Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С 108–133.
14. Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1884 г. Казань : Типолит. Имп. Казанского ун-та, 1884. 89 с.
15. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг. : исследования и документы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 35–51.
16. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней). СПб.: Типолит. И.А. Ефрона, 1892. Т. 3. 444 с.
17. Егоров А.Д. Из воспоминаний о медицинском факультете Казанского университета (1909–1914) // История Казанского государственного медицинского университета. Казань : Магариф, 2006. С. 326–330.

Bushueva Liudmila A. Sh. Marjany Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (Kazan, Russia). E-mail: bushueva9@mail.ru

FROM ASSISTANT PROFESSOR TO «UNIVERSITY'S ELDERS»: AGE OF THE PROFESSORS OF THE IMPERIAL KAZAN UNIVERSITY (SECOND HALF OF XIXth – BEGINNING OF XXth CENTURY)

Keywords: Kazan University; extraordinary professors; ordinary professors; senior lecturer; assistant professors; middle age of professors. Professors of Russian universities of the second half of the XIX –beginning of XX-th centuries represented a special social group, distinct from other officials of the Russian Empire. The aim of this study is to examine the age characteristics of the professorial corporation of the Imperial Kazan University. The following tasks were set: to determine the age of accession of teachers into the corporation, to define the middle age of professors, and also to consider the specific conditions of the Kazan University that influenced the age indices of this community. For the solving of these tasks on the basis of the prosopographic method, a database was compiled with information about professors of the Kazan University from 1863 to 1917. The analysis was carried out using mathematic-statistical data processing (the method of simple and analytical groupings, the method of analysis of mean values).

In the article materials of the office-work documentation from the National Archives of the Republic of Tatarstan were used, fund 977 (official lists, personal records of professors and teachers of the Kazan university, annual reports of the university). They contain information about the main stages of the career of teachers. In addition, sources of personal origin were used in the work: letters from Kazan teachers from the National Museum of the Republic of Tatarstan, published memoirs of students of the Kazan University.

During the research we have come to the following conclusions. In the period under review at the Kazan University, most of teachers had reached the position of extraordinary professor by the age of 30-39. The average age of receiving a professorial rank gradually increased. This was due to the growing demands for dissertational research and unfavorable material conditions, in which junior teachers often found themselves. Specific living conditions of the Kazan university promoted to the gradual increase of middle age of professors. Firstly, the process of preparing professorial personnel was developing rather slowly. Secondly, Kazan University was not compensating for a deficiency in professorial staff thanks to influx of professors from other Russian universities. At that time the main part of professors was represented by the Kazan University graduates, with the exception of the medical faculty, where there was a grate part of the graduates of the Medico-Surgical Academy (since 1881 the Military Medical Academy). As a result, the practice of hold of honored professors at work was formed in the Kazan University. During the period under review, their number in the professorial corporation gradually increased. It promoted increase of the middle age of professors of the Kazan University from 42 years in 1863 to 58 years by 1917th.

REFERENCES

1. Maurer, T. (2015) *Novyy podkhod k sotsial'noy istorii universiteta: kollektivnaya biografiya professorov* [New approach to social history of university: A collective biography of professors]. In: Maurer, T. "Barometry" ili "mayaki" obshchestva? Izbrannye stat'i po istorii russkikh i nemetskikh universitetov ["Barometers" or "beacons" of the society? Selected papers on the social history of the Russian and German universities]. Translated from German. Moscow: ROSSPEN. pp. 19-47.
2. Rostovtsev, E.A. (2017) *Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX –nachalo XX v.)* [Metropolitan University of the Russian Empire: academic estate, society and power (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: ROSSPEN.
3. Feofanov, A.M. (2013) *Sotsial'nyy portret professorov Moskovskogo universiteta vtoroy poloviny XVIII – pervoy chetverti XIX v.* [A social portrait of the professorate of Moscow university (the second half of 18th – first quarter of the 19th centuries)]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*. 1(12). pp. 168-179.
4. Nekrylov, S.A. & Fominykh, S.F. (2012) "*Institut professorskikh stipendiatov*" kak metod podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov dlya universitetov Rossii v kontse XIX –nachale XX v. (na primere Tomskogo universiteta) ["The Institute of Professorial Scholars" as a method of training of scientific and pedagogical personnel for universities of Russia in the late 19th – early 20th centuries (a case study of Tomsk University)]. In: Gribovsky, M. V. & Fominykh, S.F. (eds) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus rossiyskikh universitetov. 1884 – 1917 gg.: issledovaniya i dokumenty* [Professors corporation of Russian universities in 1884–1917. Research and documents]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 51–65.
5. Kostina, T. (2007) *Mir universitetskogo professora Kazani. 1804–1863 gg.* [The world of University professors in Kazan]. History Cand. Diss. Kazan.
6. Bushueva, L.A. (2012) *Povsednevnyy universitetskogo professora Kazani. 1863 1917 gg.* [Everyday life of a university professor in Kazan. 1863-1917]. Kazan: Tsentri innovatsionnykh tekhnologiy.
7. Ivanov, A.E. (1994) *Uchenye stepeni v Rossiyskoy imperii. XVIII v.–1917 g.* [Postgraduate Degrees in the Russian Empire from the 18th Century till 1917]. Moscow: RAS.
8. *The National Museum of the Republic of Tatarstan*. (NM RT).
9. *The National Archive of the Republic of Tatarstan* (NA RT). Fund 977.
10. Maurer, T. (2015) *Rossiyskie professora: mezhdru chinovnichestvom i intelligentsiey* [Russian professors: between bureaucracy and intelligentsia]. In: Maurer, T. "Barometry" ili "mayaki" obshchestva? Izbrannye stat'i po istorii russkikh i nemetskikh universitetov ["Barometers" or "beacons" of the society? Selected papers on the social history of the Russian and German universities]. Translated from German. Moscow: ROSSPEN. pp. 98–138.
11. Gribovskiy, M.V. (2012) The privat-docent phenomen in Russian universities of the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Istorii i politicheskie nauki" – Bulletin of the Moscow Region State University. History and Political Sciences*. 2. pp. 103–108. (In Russian).
12. Zagoskin, N. (ed.) (1904) *Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavateley imperatorskogo Kazanskogo universiteta (1804–1904): v 2 ch.* [The biographical dictionary of professors and teachers of the Kazan Imperial University (1804–1904): In 2 parts]. Kazan: Tipolitografiya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta.

13. Dmitriev, A.N. (2013) *Statusy znaniya (o sotsial'nykh markerakh evolyutsii rossiyskogo universiteta pervoy trety XX veka)* [Statuses of knowledge (on social markers of the evolution of the Russian university in the first third of the 20th century)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 4(122). pp. 108–133.
14. Kazan University. (1884) *Godichnyy akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1884 g.* [The annual act of the Imperial Kazan University on November 5, 1884.]. Kazan: Tipolitografiya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta.
15. Rostovtsev, E.A. & Barinov, D.L. (2012) *Prepodavatel'skaya korporatsiya stolichnogo universiteta 1884 – 1916 gg.: osnovnye cherty i problemy kollektivnoy biografii* [Professors corporation of Saint-Peterburg University in 1884-1916: The main features and issues of collective biography]. In: Gribovsky, M. V. & Fominykh, S.F. (eds) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus rossiyskikh universitetov. 1884 – 1917 gg.: issledovaniya i dokumenty* [Professors corporation of Russian universities in 1884–1917. Research and documents]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 35–51.
16. Vengerov, S. (1892) *Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i uchenykh (ot nachala obrazovannosti do nashikh dney)* [Critical-biographical dictionary of Russian writers and scientists (from the beginning of education to our days)]. Vol. 3. St. Petersburg: Tipolitografiya I.A. Efrona.
17. Egorov, A. (2006) *Iz vospominaniy o meditsinskom fakul'tete Kazanskogo universiteta (1909–1914)* [From memories of the medical faculty of Kazan University (1909–1914)]. In: *Istoriya Kazanskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta* [History of Kazan State Medical University]. Kazan: Magarif. pp. 326–330.